

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА)

Д.А. АЛИМОВА

(Института истории АН РУЗ)

Особое внимание в последнее время в литературе, в том числе исследовательской уделяется исламу, который в отличие от других религий связан с понятиями «экстремизм» и «терроризм». Причем немалая их часть посвящена «исламизму», по определению французского политолога Тьерри Вольтана «исключительно политической интерпретации мусульманской религии»¹. Такой подход не совсем оправдан. Нельзя ставить знак равенства между целой религией и экстремистской частью её приверженцев. Особенно такие ассоциации вызываются применительно к Центральной Азии. Статьи на эту тему превалируют, а собственно религиозные проблемы еще изучаются мало.

Дистанцируясь от современных политических мотивов попытаемся рассмотреть вопросы: Чем определяется религиозный уровень населения и каково отношение населения к религии, в данном случае к исламу? Большое значение для выяснения этого вопроса имеет обращение к историческим предпосылкам и в первую очередь к предыдущему периоду. Хотя многовековая история религиозного сознания имеет тоже немаловажное значение.

Обычно исследователи Центральной Азии, профилирующиеся на изучении ислама и его особенностей в этом регионе начинают с анализа исторических корней возникновения религий вообще на этой территории. Большинство из них акцентирует внимание на традиционном тезисе о мирном сосуществовании религий, культур и укладов жизни на этой территории. Считается и правомерно, что этнорелигиозная терпимость и открытость, так называемая толерантность были характерными чертами и даже «естественными нормами, необходимыми для социального развития»².

Соглашаясь с этим, следует подчеркнуть и то, что возможно именно эти факторы способствовали советской власти относительно мирным путем внедрить атеизм в сознание среднеазиатского общества. Хотя здесь

¹ Тьерри Вольтан. Исламизм – это вырождение ислама // Россия и мусульманский мир. 2006. № 3. С. 114.

² Нуруллаева Ш. Развитие религиозной ситуации в Центральной Азии: обуславливающие причины, фактор и принципы борьбы с религиозным экстремизмом. // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. – Ташкент, 2004. EFEAC. С. 45.

он приобрел формы религиозного атеизма, т.е. сочетания модернизации религиозного мышления с атеистическими элементами. Объяснить эти парадоксальные явления попыталась проф. К. Пужоль в своей статье «Ислам между пассивным сопротивлением и активной аккультурацией»³. Речь идет о механизме сохранения центральноазиатским исламом своих ценностных ориентаций в контексте глубоких трансформаций, коснувшихся не только социально-политической, но и прежде всего, духовной жизни народов региона. Говоря о 3-х периодах новейшей истории: колониальном, советском и постсоветском, она абсолютно права, экстраполируя эволюцию «отношений между системой верований, системой ценностей» с политической конъюнктурой и глобальными изменениями в мире на современность⁴. Это многое объясняет, и в частности, современное отношение к религии населения региона и признаки уровня его религиозного сознания. Несогласиться с ней можно лишь в том, что происходило вторжение «старого времени» в «новое время». Скорее всего это было неистребимое присутствие «старого» в «новом», присутствие ментальности, в данном случае, религиозной в современном изменяющемся мире.

Определенная часть узбекистанских историков склонны отождествлять политику в области культуры, и в частности религиозную политику царской колониальной администрации в Туркестане и советской власти в Узбекистане. Конечно и та и другая власти нанесли глубокие травмы духовности народа.

Но перед колониальным правительством стояла задача русификации, ограничения ислама и его функций. Оно прекрасно осознавало, что невозможно крушить религиозные устои. И это не адекватно задачам, которые ставили перед собой большевики, пытавшиеся кардинально изменить исламский мир в Средней Азии.

Советская власть, совершившая при колоссальном давлении коренную трансформацию экономических основ, общественных отношений, гендерных взаимоотношений, не признавала гибкости и в отношении религии, хотя законодательно была декларирована свобода вероисповедания. И правильно ставит вопрос К. Пужоль «тогда... каким образом в таком разрушительном контексте держалась, сохранялась, центральноазиатская мусульманская ментальность, пусть даже в остаточной форме, замкнутая в своем... идентитарном пассивном сопротивлении?»⁵. По видимому историческая религиозная ментальность,

³ Пужоль К. Ислам между пассивным сопротивлением и активной актуализацией. // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. – Ташкент, 2004. EFEAC. С. 55-65.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Пужоль К. Указ. соч. С. 65.

несмотря на, а может быть «благодаря» запретам жила как один из самых важных атрибутов духовной жизни.

Хотим мы этого или не хотим, но пресловутый атеизм, пропагандируемый в течении 70 лет вошел в жизнь людей. Не выполняя всех предписаний ислама, борясь с «пережитками прошлого» они все же считали себя мусульманами. Как считает О. Кориёв, все «хорошо известные мероприятия официальных властей советского времени не уничтожили окончательно приверженности основной части местных народов к исламу, не только в смысле самосознания, но и в стремлении хотя бы отчасти следовать упомянутым и другим ритуальным предписаниям, которые воспринимались как истинно исламские»⁶. Одним словом ислам здесь в Центральной Азии в течении многих веков врос корнями, и несмотря на запреты на определенных этапах истории, трансформировался и приобрел свойственное только этому региону формы.

Эти выводы подтверждают исследования современных религиозных процессов, в частности социологические. Определенную ценность в этом отношении представляют мониторинговые рабочие опросы республиканского Центра «Ижтимоий фикр». В частности любезно представленные заместителем директора Центра О.Б. Ата-Мирзаевым материалы о результатах социологического опроса, проведенного в ноябре-декабре 2005 г., которые дают представление о многих деталях уровня религиозности населения. Мы воспользовались лишь определенной частью материалов, чтобы определить основные принципы отношения населения к религии и выявить степень и уровень религиозного сознания населения⁷. Выборочный массив опрошенных составлял 1789 человек, 1097 – сельчан (61,3 %) и 692 горожанина (38,7 %). Опрошенные различных возрастов и национальностей (узбеки 83,1 %) были представителями г. Ташкента и всех областей Узбекистана. Из этого числа 99 % оказались верующими, (в Андижанской области – 100 %). По данным, опубликованным в журнале «Россия и мусульманский мир» в Узбекистане 88 % населения исповедуют ислам, 9 % – православие и 3 % – остальные религии⁸.

Следует отметить, что проявление исламских традиций в быту присутствовало всегда и ни один этнический мусульманин и даже узбек-атеист не обходит таких ритуальных мероприятий, как «никох»

⁶ Кориёв О. Ферганская долина в 70-80-е годы XX века: экономические аспекты появления исламистского движения. // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. – Ташкент, 2004. ЕФЕАС. С. 23.

⁷ Центр изучения объективного мнения «Ижтимоий фикр» РУз. Информационно аналитический доклад. Рукопись. 2006. 43 стр. Далее статистические данные взяты из этого источника.

⁸ Россия и мусульманский мир. 2006. № 7. С. 125.

(исламский обряд венчания), «хатна» (обрезание), «джаназа» (обряд захоронения) и др. и даже в 80-х годах, когда был наложен запрет на эти ритуалы, люди, особенно представители интеллигенции и партийной номенклатуры выполняли их при закрытых дверях. Сейчас, конечно, эти обряды выполняются открыто. В настоящее время наблюдается рост числа людей, считающих себя религиозными и активно ведущих религиозный образ жизни. По данным центра «Ижтимоий фикр» в 2001 году таковых было 10,7 %, в 2002 – 11,9 %, в 2004 – 13,4 % опрошенных, в Андижанской области в 2004 г. их 17,7 %, в Ферганской – 16,7 %.

Опрос, проведенный центром свидетельствует, что показатели религиозного самосознания выше, чем показатели этнического самосознания. (47,5 % и 27 %) 24,6 % опрошенных проявили неделимость чувств этнической и религиозной принадлежности. Данная позиция чаще наблюдалась у жителей Наманганской (46,2 %) и Андижанской (43 %) областей. У молодежи до 29 лет чувство этнической принадлежности доминирует над религиозной, (у других социально-возрастных групп – 19-28 %).

Однако это возрастная группа (25-29 лет) остаются потенциально уязвимой демографической частью населения в плане религиозного влияния. Для 40 % респондентов этой группы более важное значение имеет религиозная самоидентификация. Но результаты ответов на вопрос: Кем Вы себя, прежде всего, ощущаете: мусульманином или представителем своей нации? выявили тенденцию роста показателей этнической самоидентификации представителей узбекской национальности.

Варианты ответов	1998	2005
мусульманином	64,8	47,5
Представителем своей нации	16,9	27,0
Это неразделимые для меня понятия	16,8	24,6

Из опрошенного состава религиозный образ жизни ведут респонденты старше 50 лет (25,5 %), среди молодежи таковых 11,2 %, среди женщин – 16 %. Однако в мечети ежедневно ходят лишь 12,2 % всех опрошенных, хотя в 2003 г. было 5,6 % и этот показатель вырос почти вдвое. Однако повседневная жизнь и быт большинства населения не имеет ярко выраженного религиозного характера. Это касается 84 % абсолютного большинства мусульман страны⁹. Каждый пятый респондент считает себя «не совсем религиозным человеком» и относится пассивно к религиозным традициям. Более трети респондентов считают не обязательным их выполнение, считая, что необходимо душою быть преданным Богу, т.е.

⁹ «Ижтимоий фикр» РУз. Указ. рукопись.

вера не мешает быть им светскими людьми. Это характерно для жителей г. Ташкента (52 % опрошенных), Навои (54 %), Хорезма (74 %), Бухарской, Кашкадарьинской (42 %) и Джизакской областей (42 %).

Понятие мусульманин не имеет точного определения. Одни полагают, что мусульманином можно назвать выполняющего пятикратный намаз, и все обряды, другие – рожденных в исламе и соблюдающих порядочный образ жизни, третьи – человека этноконфессиональной идентичности. И хотя налицо рост религиозного самосознания, все же большинство в данном случае половина опрошенных, считают себя светскими людьми, хотя редко кто называет себя неверующим. Таким образом в Узбекистане сложилось уникальное в своем роде проявление религиозной духовности, которое можно было бы обозначить **светской религиозностью**. Причин этому несколько: во-первых, все еще сильно влияние особенно на людей старшего поколения, интеллигенции недавнего идеологического прошлого, когда религия была в загоне и внешне отрицая её, люди все же сохраняли веру в бога, во-вторых, большое значение в формировании такого образа жизни имеет образовательный уровень. Чем выше он, тем ниже уровень проявления религиозности. В третьих не остается эта проблема вне поля глобализации, вторжения новых технологий во все сферы жизни населения.

Мониторинговая группа центра «Ижтимоий фикр» сделала заключение, что рост или снижение уровня религиозности не обуславливается материальным положением. Позволим себе не согласиться с этим. Общеизвестно, что крайне плохое материальное положение семьи повышает потребность обращения к религии. Стремление же заработать любым путем может грозить людям, особенно молодежи попаданием под влияние религиозно-деструктивных сил. Об этом свидетельствуют и сами респонденты. По данным самого центра 48 % опрошенных в возрасте 20-29 лет придерживаются этого мнения. В качестве контрмер предлагается улучшение духовно-нравственного воспитания. По результатам опроса 47 % респондентов считают, что для нейтрализации подобных явлений необходимо улучшить материальное положение населения, особенно молодежи. В Наманганской и Ферганской областях этот ответ дали 54 и 50 % опрошенных. В отличие от сотрудников мониторинговой группы, мы считаем, что это довольно высокий показатель.

Что касается религиозных знаний, то здесь имеется устойчивый рост религиозных знаний у узбекского населения, исповедующего ислам (более 71 %). В обществе сохраняются и растут потребности в их получении, что конечно же говорит о необходимости пополнения рынка религиозной литературы. Стремление к овладению информацией не всегда может приводить к его правильному восприятию. Поэтому очень важно, чтобы спрос был адекватен качественному и правильному его удовлетворению. Бывают случаи, когда информация основана на устном «просвещении».

Так одна доморощенная отин, проводя «мавлюд» (религиозное мероприятие, связанное со смертью человека) среди женщин объявила, что брать в руки библию или толмут – это величайший грех для мусульманина. Часто случается, что на амри-маъруф, муллы говорят вещи противоречащие логике. Такое бытовое получение информации от соседей, друзей, неквалифицированных религиозных деятелей ведет к неправильному формированию религиозного мышления и в целом восприятию религии, 19 % опрошенных сами считают религиозную просвещенность населения низкой. Причина этого, очевидно тоже кроется в советском прошлом. Политолог М. Филь считает, что «официальное игнорирование религиозной сферы жизни общества в период существования СССР привело к тому, что уровень «религиозного образования» большинства населения (даже среди тех, кто считает себя приверженцем определенной конфессии) был и остается чрезвычайно низким»¹⁰.

Другая форма информации – это семейная. В большинстве случаев определенные религиозные знания приобретаются в семье от родителей, бабушек и дедушек и близких родственников. Меньшая часть людей занимается самообразованием, изучая соответствующую литературу. Конечно в республике сейчас ведется большая работа по изданию религиозной литературы, комментариев к богословским книгам. Много в этом отношении делается Ташкентским исламским университетом и другими ведомствами. Но в данном случае речь идет о получении первичной и самой доступной информации.

Отношение населения к религиозному возрождению однозначно положительное. В годы независимости процессы осознания культурных и религиозных ценностей в обществе идут достаточно активно. Торжествами общенационального масштаба стали исламские и национальные праздники. Это и усилия правительства по увековечиванию имен многих исламских просветителей и ученых, возможность свободно выполнять мусульманские обычаи, традиции и ритуалы оказали благотворное влияние на формирование общественного мнения. По данным Центра «Ижтимоий фикр» большинство положительно оценивают обеспечение прав верующих граждан со стороны государства. (82 % респондента) и лишь 4 % опрошенных считают, что имеет место ущемление прав верующих. Отношение населения (в ракурсе опроса) к деятельности Управления мусульман Узбекистана (ИМРУ) в основном положительное.

Популярность мусульманского поста рамазан в стране достаточно высока. В этом вопросе проблема не связана с образовательным уровнем. Все чаще и среди интеллигенции и элитарной части общества

¹⁰ Власть. М., 2005. № 9. С. 44-50.

наблюдаются хоть и не полное, но соблюдение поста. На вопрос: «Почему Вы это делаете?» отвечают: «Не выполняю никаких предписаний ислама, хотя бы так я могу показать свою преданность Богу». Среди опрошенных соблюдающих пост с той или иной степенью регулярности – 75 %. Из них 40 % соблюдают регулярно. Совершенно не соблюдают – 25 %. Причем этот показатель значительно упал по сравнению с 2003 годом, когда он составлял 35 %¹¹.

В 2005 году хадж совершили 5 % опрошенных, но большая часть респондентов побывали в местах паломничества Узбекистана. Наблюдается характерное для жителей коренного населения Узбекистана уважительное отношение к местным святыням, особенно комплексу имама Аль Бухари, Бахауддина Накшбанди и др. 9 % опрошенных не посещали святые места и не собираются этого делать, 15 % их было в 2005 г.¹²

Проанализированные данные свидетельствуют о том, что Узбекистан нельзя назвать страной с явно выраженной исламофобией. Оставаясь в ряду государств с полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, страна представляет уникальную разновидность светского государства, население которого сохраняет в качестве приоритетов религиозное сознание. Испытав на себе в разные периоды истории влияние других мировых религий, мирно сосуществовавших с исламом, оно впоследствии оказалось носителем особенного сочетания доисламских и исламских традиций и культов. Наибольшую трансформацию религиозное сознание населения получило в советский период. Говоря об отношении к религии и религиозном сознании населения надо учитывать несколько факторов:

- 1) историческое сочетание в данном регионе многих конфессий и их взаимовлияние. И сейчас, например в ритуалах и обычаях узбекского народа, в частности мусульман присутствуют элементы зороастризма (зажигание свечей, несмотря на запреты духовных сановников на кладбищах и святых местах, обход вокруг огня новобрачных и т.д.).
- 2) в советский период, характеризующийся нигилистическим отношением к исламу и ко всем религиям, насильственное их искоренение и мощная пропаганда атеизма, с одной стороны, не могли не влиять на образ жизни, с другой, среднеазиатские исламские школы, в частности суфийская в соприкосновении с натиском коммунистической идеологии уменьшалась, уходила в подполье, но не была размыта и не исчезла. Даже в 1988 г. в учебнике для ВУЗов известные специалисты по научному атеизму

¹¹ «Ижтимоий фикр» РУз. Указ. рукопись.

¹² Там же.

М.В. и Н.М. Вагабовы писали: «Вопрос о преодолении, пережитков в сознании и быту части населения в нашей стране пока еще не решен. Некоторые советские люди, в том числе и в регионах традиционного распространения ислама в СССР, находятся под влиянием этого религиозного мировоззрения. Пережитки ислама здесь проявляются в обыденном сознании, в традициях и обрядах»¹³. Думается, что если бы СССР продолжал существовать, то все равно этот вопрос не был бы решен. С другой стороны, негативное отношение к религии советской власти, при которой выросло целое поколение играет свою роль и в современном формировании религиозного мышления их детей и внуков.

- 3) Необходимо при анализе религиозного сознания применительно к Узбекистану и в целом Центральной Азии учитывать фактор политических перемен, касающихся непосредственно региона и в целом мира. Рост общественной роли религии, но не политической имеет место. Это в свою очередь может вызвать и политические претензии отдельных деструктивных религиозных группировок (в чем мы убедились на примерах Узбекистана, США и России) но в данном случае речь не о них, а о регламентированных государством религиозных структурах, которые имеют определенное влияние на общество. Изменения касаются не только центральноазиатской территории. Происходящие террористические акты со стороны ультрарадикальных исламских группировок заставляют руководство крупнейших государств быть более внимательным к мусульманам, демонстрировать свою лояльность к исламу, это в свою очередь влияет на общественное мнение.

Позволю себе не согласиться с О. Кориевым в том, что «для истинного мусульманина политическое устройство того региона, в котором он проживает не имеет первостепенного значения»¹⁴.

Возможно те мусульмане «новой волны», о которых он пишет и не появились, если бы советская власть не контролировала религию и не проводила политику атеизма. Новая религиозная политика, новое отношение к исламу, имеется в виду официальных властей, способствовала непосредственному совершенствованию религиозного сознания в ракурсе правильного понимания ислама и созданию общественного мнения вокруг этого вопроса.

¹³ Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам и вопросы атеистического воспитания. М.: Высшая школа, 1988. С. 4.

¹⁴ Кориев О. Ферганская долина в 70-80-ые годы XX века: экономические аспекты появления исламистского движения // Исламские ценности и центральноазиатские реалии. Ташкент: EFEAC, 2004. С. 28.

Для полного изучения этих сложных и неоднозначных процессов необходимо исследовать проблему религиозного сознания и религиозного уровня населения вкупе с данными о состоянии других религий и межконфессиональных отношений. Важную задачу представляет выявление и определение типологии социального самочувствия отдельных конфессиональных групп, сочетания этнической и религиозной идентичности. Такое широкомасштабное исследование должно опираться на историческую ретроспективу, без знания которой невозможно объяснить современные события и явления, касающиеся религиозной проблемы.

Summary

ON THE TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN UZBEKISTAN

(ON THE SAMPLE OF ISLAM)

D.A. ALIMOVA

(Institute of History, Uzbekistan Academy of Sciences)

Particular attention in recent literature, including research is given to Islam, which, unlike other religions is related to the concepts of "extremism" and "terrorism". Moreover, a considerable portion is devoted to "Islamism", by definition of Thierry Voltan, a French political analyst, "an exclusively political interpretation of the Muslim religion." Such an approach is not entirely justified. It cannot be equated with the entire religion and the extremist part of its adherents. Especially such associations are invoked in relation to Central Asia. Articles on this topic prevail, but the proper religious issues are still only being studied a little.